

Первые встречи

Заметки о спектаклях Вильнюсского
Русского драматического театра

МЕДЛЕННО раскатываются иной раз наши столичные театры, и вот с пьесой московского писателя мы знакомимся в исполнении гастролирующего театра. Хороший выбор для начала гастролей в Москве сделал русский театр литовской столицы, остановившись на героической драме Сергея Смирнова «Крепость над Вугом».

Как часто приходилось нашим зрителям видеть на сцене лакированное, «фанфарное» воспронзведенные великой народной войны! Как часто прославлялось со сцены предвечные одного человека, а все остальные превращались в послушных участников стройного парада, вызывая в зрительном зале скуку и недоверие.

Зрители спектакля «Крепость над Вугом» не видят на сцене всего этого. Внимательно и взволнованно следят они за приближением военной грозы, восторгаются самоотверженным мужеством наших воинов, с глубоким интересом распознают характеры простых людей, готовых отдать жизнь за Родину. Так постепенно возникает в спектакле величественный образ советского народа — главного героя пьесы. Именно в этом основная заслуга и драматурга С. Смирнова, и постановщика В. Головчинера, и исполнителей ряда ролей — В. Илинковского (командир роты Воронин), В. Кутянского (командир батальона Островский), В. Пухова (начальник разведки Пашков), В. Шальтиса (пограничник Бобров) и т. д.

В центре спектакля — подполковник Морозов, мужественный и умный человек. Его превосходно играет артист Я. Янин, широко раскрывая ум и горячее сердце командира.

Все это рождает прочные симпатии зрителей. Но вот в угоду лож-

но понятой «занимательности» вторгается в пьесу детективная интрига со шпионом Дулько. Сама по себе тема предательства могла занять в спектакле свое скромное место. Но театр уделял ей чересчур много внимания, и мечущаяся фигурка предателя, особенно когда Дулько пытается вызвать раздоры среди офицеров, раздражает и отвлекает зрителей от больших событий, происходящих на сцене.

Если в этом повинен в первую очередь драматург, то целиком на совести театра остается неудача, которую терпит образ полкового комиссара Горячих. Не требует пояснений, насколько важно для спектакля, чтобы комиссар являлся на сцене полнокровной жизнью и, подобно Морозову, завоевывал любовь зрителей. Если этого не случилось, то потому, что артист Л. Иванов, не доверяя суровой простоте образа, сообщил комиссару чуждую ему картинность, декламационность.

Из грозных дней 1941 года театр перенес нас на следующий вечер в районный городок современной Литвы в уютный особняк врача Матеюса Вирпши. В пьесе литовского драматурга А. Грицюса «Жаркое лето» («Разбитая ваза») противостоят один другому два лагеря: представители молодого поколения, люди социалистического общества вступили в борьбу со старым собственническим миром.

«Жаркое лето» — психологическая бытовая драма. Режиссер спектакля Р. Юкнявичус, правильно поняв жанр пьесы, все же приглушил остроту конфликта и сообщил спектаклю натуралистическое звучание. В результате наиболее сложные образы — Матеюса Вирпши и его жены Марии



Вирпшене — не получили ясного и верного раскрытия. Такие образы, как русский рабочий Доронин (арт. В. Пухов), комсомолец Альгис (арт. В. Кутянский), молодой врач Шантарис (арт. Г. Воропаев) — наиболее активные, решительные и смелые — проходят по сцене бледными тенями.

Но вот мы на «Варварах». С предубеждением прислушиваемся к первым интонациям спектакля. Неужели мужественный голос Горького не прозвучит со сцены в полную силу? Неужели и здесь забьют о маленькой бытовой правде и справедливая боязнь риторичности заслонят от режиссуры и актеров стремление раскрыть большой смысл замечательной горьковской пьесы?

Но чем дальше движется спектакль, тем быстрее улетучиваются сомнения зрителя. Режиссер В. Головчинер верно понимает, тонко чувствует социально-психологическую насыщенность пьесы. Мизансцены точны и удобны, а декорации художника М. Перцова верны горьковским ремаркам и помогают зрителям перенестись в заречье уездного русского города начала века. В спектакле достигнуто то стилевое единство, которое всегда свидетельствует о хорошей культуре сценического труда.

Сложнейшую роль Надежды Монаховой играет артистка М. Мироняйте. Быть может, ее Надежде не хватает той «творческой силы», о которой говорят доктор Макаров. Зато есть в Надежде — Мироняйте и чистота бесхитростной души, и романтическая жажда «великой любви», и активная враждебность к окружающей ее пошлости. Поэтому гибель Надежды звучит в спектакле беспощадным пригово-

ром всему варварскому обществу стяжателей и эгоистов, и высокий смысл приобретает слова: «Господа, вы убили человека...».

Другой удачей спектакля является Анна, жена Черкуна. Артистка А. Дронова создает очень трогательный и правдивый образ слабого, беспомощного существа, весь смысл жизни которого заключен в безответной и пассивной любви к мужу.

Между этими двумя женщинами должен сделать выбор инженер Черкул. И не может его сделать. Внутреннее бессилие этого внешне сильного, прямого, негибнущего человека символизирует у Горького опустошенность мещанства, обреченность буржуазной интеллигенции. Артисту Л. Иванову удается вскрыть это «зерно» образа, но его Черкул лишен того обаяния, которое влечет к нему не только Анну и Надежду, но и умную, утонченную Лидию (к сожалению, этот интереснейший горьковский образ не получает достаточно яркого раскрытия в игре артистки Е. Майвиной). Одноотонен, опрошен Цыганов в исполнении артиста И. Дубравина: старый пошляк и пьяница — тот и все, что мы узнаем о Цыганове. У Горького образ этого крупного инженера, прожившего яркую жизнь, куда богаче и весомее.

Среди наиболее интересных образов спектакля нужно отметить Катю, чью чистоту ярко выявляет Е. Арсеева, Монахова, душевную трагедию которого очень точно и тонко раскрывает В. Красильников, Павлина Головастикова в превосходном исполнении Б. Смелцова и доктора Макарова, которого правдиво играет В. Белецкий..

Спектакли Вильнюсского театра свидетельствуют о том, что его коллектив находится на верном творческом пути. Москвичи с интересом знакомятся с его гастрольным репертуаром.

М. Бертенсон.

НА СНИМКЕ: Каульбах — артист Г. ПАЛИН, подполковник Морозов — артист Я. ЯНИН.

Фото М. ДЕМИХОВСКОГО.